Харьковская Библіотека Общественныхъ Знаній.
Серія I, выпускъ 6.

В. М. Устиновъ,
прив.-доц. Императорскаго Харьковскаго Университета.

Идея національнаго государства.

Цѣна 35 коп.

Изданіе книжнаго магазина
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1906.

Изданія книжнаго магазина П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

Харьковская Библіотека Общественныхъ Знаній.

Серія I.

Вып. 1. Профессоръ **Н. А. Гредескулъ. Марксизмъ и идеализмъ.** Изд. 2-е. Ц. 40 коп.

Вып. 2. **Гербертъ Спенсеръ. Размышленія** (Reflections). Глава изъ автобіографіи. Перев. съ англійск. Г. Г. Оршанскаго. Ц. 40 коп.

Вып. 3. Профессоръ **В. П. Бузескулъ. Женскій вопросъ въ древней Греціи.** Ц. 40 к.

Вып. 4. **Б. Краевскій. Радость и горе ребенка.** Физіологія дѣтской души. Ц. 60 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Профессоръ **В. А. Данилевскій. Соціальная физіологія.** 1. Общія положенія. 2. Соціальное значеніе чувства. Ц. 50 коп.

Профессоръ **Н. А Гредескулъ. Современные вопросы права.** Ц. 40 коп.

Харьковская Библіотека Общественныхъ Знаній.
Серія I, выпускъ 6.

В. М. Устиновъ,
прив.-доц. Императорскаго Харьковскаго Университета.

ИДЕЯ НАЦІОНАЛЬНАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1906.

Идея національнаго государства.

Одинъ изъ современныхъ историковъ[1]) назвалъ только что истекшій XIX вѣкъ вѣкомъ національностей. Это очень характерное опредѣленіе. Дѣйствительно въ теченіе XIX ст. наиболѣе замѣтнымъ явленіемъ было зарожденіе, развитіе и вырожденіе національной идеи. Это былъ вѣкъ національныхъ сложеній и разложеній, разнообразныхъ національныхъ движеній, національныхъ побѣдъ и угнетеній, борьбы націй за признаніе, за существованіе, за преобладаніе.

Припомнимъ главнѣйшія политическія события.

Вѣкъ открылся наполеоновскими войнами съ европейскими коалиціями. Это были войны, которыя, по первоначальнымъ своимъ цѣлямъ и идеямъ, не были войнами противъ народовъ, а были войнами за народы противъ королей, за освобожденіе народовъ отъ деспотовъ. «Народы», писалъ одинъ изъ редакторовъ революціонныхъ изданій въ 1791 г.[2]), «за насъ: они воедино съ Франціей, и дѣло вовсе не о войнѣ націи съ націей, ибо короли всегда согласны въ порабощеніи народовъ, а народы теперь вмѣстѣ въ стремленіи свергнуть съ престоловъ деспотовъ».

Одушевленные этими идеями люди революціи сложили огромный планъ «муниципализировать», какъ тогда выра-

---

[1]) De Vogüé. Pages d'histoire 1902, p. 47.

[2]) Aulard. Histoire politique de la révolution française. 1901, p. 112.

жались, Европу и создать если не всемірную республику, то федерацію народовъ подъ моральной гегемоніей Франціи на основахъ деклараціи правъ человѣка. Какъ извѣстно, впослѣдствіи все это исказилось и извратилось. Война, какова бы ни была ея первоначальная цѣль, всегда остается прежде всего колоссальнымъ кровавымъ насиліемъ, и поэтому она развиваетъ вокругъ себя такія чувства, развязываетъ такія страсти, создаетъ такое настроеніе, въ которомъ всѣ первоначальные возвышенные планы поглощаются оголившимися грубыми, звѣрскими, элементарными инстинктами. Война не можетъ служить цѣлямъ прогресса, ибо она возвращаетъ человѣка къ первобытному состоянію.

Такъ было и съ Франціей. Ея гуманитарныя стремленія вскорѣ выродились въ жажду военной славы и величія и послужили пьедесталомъ для честолюбія Наполеона. Королевства низвергались, государства покорялись, но народы освобождались лишь для того, чтобы перемѣнить своего хозяина: ихъ судьбами властно распоряжался Наполеонъ. Историкъ для объясненія этихъ грустныхъ фактовъ сошлется на законы развитія человѣческихъ общеній, не знающіе скачковъ,—и укажетъ, что Европа того времени не была подготовлена къ воспріятію новаго режима. Но одновременно нельзя не указать на гибельное и разлагающее вліяніе войны и на негодность ея, какъ средства, для какихъ бы то ни было прогрессивныхъ стремленій.

Однако, какъ бы то ни было, идеи сами по себѣ одерживали свои побѣды. Занесенныя изъ Франціи мечты о правахъ народовъ на независимость остались среди народовъ, но на новой почвѣ дали новые плоды и прежде всего сказались въ войнахъ за освобожденіе отъ французскаго владычества. Это были войны, въ которыхъ народы не только шли, повинуясь своимъ королямъ, возвращающимъ себѣ утерянные троны, но шли, отчасти отстаивая и собственное дѣло — собственную независимую роль въ

исторіи. Такимъ образомъ это были первыя національныя войны. Въ нихъ впервые сказались стремленія народовъ къ независимости и самоопредѣленію.

Однако, вскорѣ эти первые проблески національнаго самосознанія встрѣтили сильнаго врага въ восторжествовавшемъ принципѣ легитимизма. Легитимизмъ—это, какъ извѣстно, сухая, холодная теорія, которая подчиняетъ интересы народовъ, ихъ развитіе, ихъ будущее соображеніямъ династическихъ интересовъ и подсчету наслѣдственныхъ правъ на престолъ. Легитимизмъ спасъ свои престолы, благодаря вспышкѣ національныхъ чувствъ, но впослѣдствіи сталъ спасать себя именно отъ этихъ зародившихся національныхъ движеній; ибо въ основѣ легитимизма лежитъ претензія распоряжаться судьбами народовъ, какъ частнымъ имуществомъ королей, и слѣдовательно, онъ не можетъ признавать стремленія народовъ самостоятельно опредѣлять свои политическія границы. Поэтому дальнѣйшее развитіе національныхъ стремленій пресѣкалось: они разсматривались какъ революціонныя движенія. На Вѣнскомъ конгрессѣ монархи распредѣлили Европу между собой, отнюдь не соображаясь съ народными требованіями, а лишь руководствуясь идеею политическаго равновѣсія: Европа была размежевана, какъ бы развѣшена, между отдѣльными собственниками съ тѣмъ расчетомъ, чтобы ихъ военное могущество было приблизительно одинаково.

Однако, исторія руководствуется не желаніями королей или усиліями дипломатовъ, а внутреннею закономѣрностью. Разъ зародившіяся національныя чувства и стремленія не могли быть задавлены постановленіями Вѣнскаго и другихъ конгрессовъ, посѣянныя Франціей сѣмена стали приносить плоды...

Вскорѣ послѣдовало освобожденіе Греціи изъ-подъ турецкаго ига, встрѣченное сочувствіемъ всей интеллигентной Европы, несмотря на воркотню или даже противодѣйствіе легитимистскихъ круговъ. Потомъ разразилась

іюльская революція во Франціи и слѣдомъ за ней, воодушевленная ею Бельгія, слѣпленная Вѣнскимъ конгрессомъ съ Голландіей, отпала отъ Нидерландовъ. И европейскіе дворы, забывъ легитимные принципы, должны были признать этотъ fait accompli. Почти одновременно произошло неудачное польское національное возстаніе 1831 г. А тамъ новая февральская революція 1848 г. повлекла за собой цѣлый рядъ революцій и другихъ національныхъ движеній по всей Европѣ. И хотя надъ этой революціонной эпохой вновь восторжествовала реакція, однако же съ этого времени можно считать окончательно погребенною теорію легитимизма и признанными въ принципѣ права націи на самостоятельное государственное бытіе.

Идея національнаго государства отнынѣ усваивается не только народами, но отчасти и престолами, которые въ ней черпаютъ новую силу. Во имя этой идеи происходитъ національе объединеніе Италіи и позднѣе національное объединеніе Германіи. Во имя тѣхъ же идей предпринимается Россіей освободительная балканская война...

Послѣ всѣхъ этихъ событій карта старой Европы въ значительной степени видоизмѣнилась; границы государствъ въ общемъ и цѣломъ распредѣлились по площадямъ разселенія преобладающихъ народностей.

Однако, все же національное движеніе еще не достигло всѣхъ своихъ цѣлей. Нынѣ замѣчаются два основныхъ направленія въ этомъ движеніи. Съ одной стороны, устроились болѣе или менѣе удобно лишь главнѣйшія націи,— слабыя же и малыя до сихъ поръ несвободны, подавлены и даже не всегда признаны. Предѣлы современныхъ великихъ державъ, помимо преобладающей народности, включаютъ нѣсколько болѣе мелкихъ покоренныхъ народностей. Эти послѣднія, охваченныя общеевропейскимъ подъемомъ національныхъ чувствъ, стремятся вырваться изъ чуждыхъ предѣловъ или по крайней мѣрѣ достичь въ нихъ равноправности съ главной націей. Но на этомъ пути къ равно-

правности онѣ встрѣчаютъ упорное сопротивленіе, ибо современныя государства, стремясь, съ одной стороны, сберечь свои территоріи, съ другой—добиваются какъ можно большей однородности населенія для увеличенія силы его сопротивленія на случай войны. Отсюда постоянныя тенденціи къ подавленію чуждыхъ народностей, къ растворенію ихъ въ преобладающей націи, къ ихъ денаціонализаціи. А эти тенденціи, конечно, способствуютъ еще большему обостренію чувства національной противоположности и антагонизма.

Другой потокъ національныхъ теченій сказывается въ стремленіяхъ націй, уже достигшихъ политической самостоятельности, къ превосходству и преобладанію надъ другими націями. Эти стремленія выражаются, съ одной стороны, въ превознесеніи своихъ прошлыхъ историческихъ заслугъ или настоящихъ качествъ національнаго характера, «духа», или, наконецъ, уже совсѣмъ неопредѣленныхъ надеждъ на будущую культурную роль, нѣкую провиденціальную миссію, предлежащую данному народу,—стремленія, которыя нынѣ окрещены именемъ національзма. Съ другой стороны, эти стремленія приводятъ къ политикѣ расширенія предѣловъ территоріи данной націи, усиленія ея міроваго значенія путемъ захватовъ разныхъ чужихъ странъ и умноженія колоніальныхъ владѣній — къ политикѣ имперіализма.

Эти движенія представляютъ дальнѣйшее развитіе національной идеи, и вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе ихъ противорѣчія первоначальному содержанію національной идеи и вслѣдствіе ихъ гибельныхъ, принижающихъ культуру послѣдствій въ нихъ нельзя не усмотрѣть вырожденія этой идеи и, слѣдовательно, ея конецъ. Надо думать, что вѣкъ національностей кончился. Надо ждать новаго вѣка, окрашеннаго новыми теченіями.

Несмотря на столь широкое распространеніе, на столь значительную роль національной идеи въ исторіи новѣйшаго времени, при ближайшемъ ея анализѣ нельзя не

придти въ изумленіе отъ недостатка ея философскаго обоснованія и научной разработки.

Любопытно уже то, что хотя національныя движенія были порождены великой французской революціей, но сама революція вовсе не получила отъ своихъ, такъ сказать, духовныхъ отцовъ разработанной теоріи національной идеи, и она, эта идея, вылилась въ жизнь, такъ сказать, сама собой и скорѣе вопреки господствующей тогда раціоналистической философіи. Вдохновители революціи не знали значенія націи. Положимъ, у Монтескье въ главѣ XIX его Духа Законовъ имѣются указанія на связь законовъ и учрежденій страны съ нравами и духомъ націи. Не менѣе интересныя замѣчанія по этому вопросу разбросаны въ его путевыхъ замѣткахъ. Но во времена революціи путешествія Монтескье еще не были обнародованы, а изъ Духа Законовъ руководствовались по преимуществу главой XI, излагающей условія политической свободы. Съ другой стороны, и у Руссо, при болѣе детальномъ его изученіи, находится не мало указаній на значеніе націи, напр., въ Эмилѣ, въ Письмахъ съ Горы или въ Gouvernement de la Pologne. Въ послѣднемъ сочиненіи Руссо прямо пишетъ: «постарайтесь, чтобы полякъ никогда не могъ сдѣлаться русскимъ, и я вамъ отвѣчаю, что Россія не покоритъ Польшу. Именно національныя учрежденія образуютъ геній, характеръ, вкусы и нравы народа и заставляютъ его быть самимъ собой, а не другимъ...» [1]) Кромѣ того, теперь для многихъ изслѣдователей не подлежитъ сомнѣнію, что самый Общественный Договоръ Руссо писалъ вовсе не какъ общее руководство для демократіи, а лишь въ назиданіе своей родинѣ — Женевѣ [2]).

Тѣмъ не менѣе дѣятелями революціи Contrat social считался имѣющимъ общее значеніе и подлежащимъ общему примѣненію. А въ системѣ собственно этого трактата ме-

---

[1]) Rousseau. Gouvernement de la Pologne, Ch. III.

[2]) Ср. Алексѣевъ. Этюды о Ж.-Ж. Руссо. 1887.—Vuy. Origines des idées politiques de Rousseau. 2-e éd. 1889.

жду индивидомъ и государствомъ не было посредствующихъ звеньевъ. Такова впрочемъ была вообще схема доктрины естественнаго права. Индивидъ съ законченнымъ кругомъ прирожденныхъ естественныхъ правъ входитъ въ искусственно договоромъ слаженное государство и пребываетъ въ немъ, доколѣ желаетъ соблюдать этотъ договоръ. Отсюда абстрактный универсальный характеръ революціонныхъ учрежденій и законовъ. Такъ, напр., по конституціи 1793 г. правами избирательными какъ активными, такъ и пассивными пользовался каждый иностранецъ, пребывающій на французской территоріи.

Вообще законы и стремленія революціи носили на себѣ отпечатокъ раціоналистической философіи, которая въ то время господствовала. Это придавало идеямъ революціи огромную широту и универсальность и сообщало имъ силу и очарованіе; но въ то же время это составляло и ихъ слабую сторону: не считаясь съ дѣйствительностью, со сложностью окружающей жизни, эти идеи должны были подвергаться разнообразнымъ видоизмѣненіямъ, часто искажающимъ ихъ внутренній смыслъ, въ зависимости отъ среды, чрезъ которую они проникали въ жизнь. Ни одинъ народъ, когда ему говорили о правахъ человѣка и о народномъ суверенитетѣ, не представлялъ себѣ абстрактнаго человѣка безъ тѣла и души и идеальное государство безъ территоріи и населенія; ни одинъ народъ не пускался въ преслѣдованія фантома метафизической свободы въ туманныхъ образахъ всечеловѣчества. Но каждый народъ, слѣдуя примѣру и самого французскаго народа, бросившаго въ міръ эти великія идеи, усвоивалъ ихъ на почвѣ всѣхъ своихъ издавна накопленныхъ знаній, вѣрованій, традицій, суевѣрій; онъ какъ бы вскармливалъ ихъ своею кровью и давалъ имъ уже новую жизнь, одушевленную всѣми присущими ему страстями [1]). Отсюда становится понятнымъ тотъ фактъ, что однѣ и тѣ же идеи способствовали во Франціи сохраненію и даже упроченію адми-

[1]) Ср. A. Sorel. L'Europe et la révolution française. T. I, 1887, p. 549.

нистративной централизаціи, приведшей къ цезаризму Наполеона, а въ Германіи вызвали національное сплоченіе и самосознаніе, которое впослѣдствіи должно было побѣдить и похоронить полицейское государство.

Лишь послѣ того, какъ раціонализмъ подвергся критикѣ Канта, началось изученіе общественныхъ союзовъ, стоящихъ между индивидомъ и государствомъ. Такъ историческая школа стала доказывать, что право есть продуктъ народнаго духа и, слѣдовательно, имѣетъ тѣсную необходимую связь съ особенностями склада даннаго народа. Органическая школа, сближая государство съ организмомъ, выясняла значеніе для организма государства разныхъ формъ общежитія. Отчасти опираясь на эти школы, выросла къ половинѣ XIX вѣка цѣлая новая наука—соціологія, которая занялась изученіемъ развитія разныхъ видовъ общественныхъ соединеній и съ теченіемъ времени все шире и глубже раздвигаетъ свое поле изслѣдованія. Въ послѣднее время она освободилась отъ органической теоріи и еще глубже проникла въ сущность общественныхъ союзовъ, выяснивъ значеніе коллективной или соціальной психологіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ она опирается на данныя другихъ молодыхъ наукъ лингвистики, антропологіи, этнографіи.

Этимъ движеніемъ науки выясненъ и вопросъ, что такое нація.

Теперь можно считать установленнымъ, что нація не есть физіологическое единство, что она не связана единствомъ происхожденія, слѣдовательно, она не тожественна съ понятіемъ расы и подраздѣленіемъ расы—племени. Значитъ, для націи не обязательнаобщ ность антропологическихъ признаковъ, даже не требуется необходимо общность языка, тѣмъ менѣе общность религіозныхъ вѣрованій [1]).

[1]) П. Милюковъ (Очерки по исторіи русской культуры, т. III, в. I, 1901 г., стр. 7,8), признавая націю явленіемъ чисто соціальнымъ, считаетъ языкъ основнымъ и наиболѣе существеннымъ признакомъ національности. Это мнѣніе противорѣчитъ тому факту, что въ Швейцаріи

Съ другой стороны, нація не есть и юридическое единство, искусственное и случайное цѣлое, объединенное подчиненіемъ данному государственному порядку, и потому нація должна быть отличаема отъ народа, въ смыслѣ населенія, совокупности подданныхъ даннаго государства.

Нація есть историческое, культурное единство; она есть продуктъ общей исторической судьбы, общей культурной роли.

Въ этомъ согласно большинство ученыхъ.

Такъ, Дж. Ст. Милль пишетъ [1]): самая могущественная причина образованія національностей—тождество политическаго прошлаго, обладаніе національной исторіей, слѣдовательно, общность воспоминаній, гордости и униженія, радости и сожалѣній, соединенныхъ съ одинаковыми событіями въ прошломъ. Нація, говоритъ Ренанъ [2]), есть великая солидарность, созданная чувствомъ жертвъ, которыя уже принесены и которыя еще придется принести.

«Нація, опредѣляетъ еще короче Шпрингеръ [3]), есть извѣстная общность чувствъ и мыслей». Беря вопросъ нѣсколько съ другой стороны, современный остроумный юристъ Дюгюи [4]) указываетъ, что современная нація создается на различіи тенденцій и индивидуальныхъ способностей и на сознаніи необходимости раздѣленія труда.

Во всякомъ случаѣ всѣ согласны, что нація есть «духовное начало», какъ выразился Ренанъ, «нѣчто внутреннее», по опредѣленію Шпрингера. «Нація», учитъ Еллинекъ [5]), «не есть нѣчто объективное въ смыслѣ суще-

---

четыре языка и одна нація, наоборотъ англичане и американцы говорятъ на одномъ языкѣ и составляютъ разныя націи. Общій языкъ не необходимое средство общенія: можно говорить и на нѣсколькихъ языкахъ.

[1]) Милль. Представительное правленіе. Гл. XVI.

[2]) E. Renan. Discours et conférences 1887, p. 307.

[3]) R. Springer. Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat. Th. I, 1902, s. 56.

[4]) L. Duguit. L'Etat. T. I, 1901, p. 72.

[5]) Jellinek. Algemeine Staatslehre. 1900, s. 106.

ствующаго вовнѣ. Она, наоборотъ, принадлежитъ къ большому классу соціальныхъ явленій, которыя вообще не могутъ быть измѣрены внѣшнимъ масштабомъ. Нація есть нѣчто существенно субъективное, т.-е. признакъ опредѣленнаго содержанія сознанія».

Если это такъ, если нація есть духовное начало, являющееся плодомъ общаго и притомъ сознательнаго участія въ исторіи, то нельзя не согласиться, что націи складываются и распадаются въ зависимости отъ смѣны историческихъ условій. Существенными условіями для образованія націи являются прежде всего, какъ справедливо указываетъ Бутми [1]), опредѣленность границъ и опредѣленность населенія.

Въ старое время даже эти элементарныя условія далеко не всюду были налицо. Постоянству населенія и границъ мѣшали долго продолжавшіеся набѣги разныхъ новыхъ народовъ, вѣчныя войны и завоеванія, феодализмъ, который раздѣлялъ народъ между многочисленными собственниками, и католицизмъ, который въ стремленіяхъ къ свѣтской власти объединялъ народы сознаніемъ общей подчиненности папѣ.

Поэтому націи суть достояніе новаго времени.—Первая въ Европѣ объединилась въ націю Англія благодаря точности своихъ морскихъ границъ, а также благодаря особенностямъ ея политической исторіи. Франція, по свидѣтельству Ганото [2]), еще въ XVII вѣкѣ не была вполнѣ націею, а Пруссія, какъ описываетъ Лависсъ [3]), лишь въ первую половину XVIII вѣка стала складываться въ національное единство.

Вообще можно сказать, что только къ XIX вѣку сложились окончательно современныя націи и пришли къ

---

[1]) E. Boutmy. Eléments d'une psychologie politique du peuple américain. 1902, p. 32.

[2]) Hanotaux. Histoire du cardinal de Richelieu 263. Цит. Boutmy, op. cit., p. 112 note.

[3]) Lavisse. Revue des deux Mondes 1 oct. 1890.

самосознанію. Этому содѣйствовалъ цѣлый рядъ причинъ. Такъ, прежде всего слѣдуетъ указать на значеніе французской революціи.

Какъ я уже говорилъ, революціонная доктрина собственно была противъ націи: она проповѣдывала человѣка-атома и договорное государство и была поэтому вполнѣ космополитична. Но самая революція была глубоко національна. Ее сдѣлалъ весь народъ, всѣ французы. Они послѣ долгаго времени снова вмѣстѣ сошлись въ законодательномъ собраніи, убѣдились, что въ общемъ и цѣломъ они претерпѣваютъ одни и тѣ же страданія, питаютъ одни и тѣ же чувства, живутъ одними и тѣми же надеждами. Они вмѣстѣ стали дѣлать общее огромное дѣло, вмѣстѣ водворяли свободу, вмѣстѣ свергали деспотизмъ. Здѣсь впервые народъ изъ пассивнаго состоянія, изъ объекта управленія, изъ мертваго матеріала для различныхъ законодательныхъ и административныхъ опытовъ, изъ источника доходовъ превратился въ господина, въ судью, въ владыку.

Естественно, что въ эти творческіе величавые моменты не повторяющагося значенія французы сознали себя принадлежащими высшему коллективному цѣлому націи. И нація въ эти бурные, полные событій годы быстро скрѣплялась, срасталась, сроднялась. Современники пишутъ, что во время революціи въ годъ переживалось столько, что хватитъ на полвѣка мирнаго времени. И французы вышли изъ революціи вполнѣ готовой, сплоченной, законченной націей.

Такое же національное значеніе имѣли и другія революціи для другихъ народовъ. Отстаивая свою свободу, народъ лучше всего научается понимать свое единство и солидарность. Не меньшее національное значеніе имѣютъ и послѣдствія побѣды политической революціи—преобразованіе государства абсолютнаго въ представительное и вообще демократизація государственнаго строя. Распоряжаясь все шире и полнѣе государственной властью, на-

родъ все сильнѣе и глубже сознаетъ свое единство, общность своихъ интересовъ, чувствъ и мыслей.

Съ другой стороны, и современныя правительства стремятся упрочить національныя чувства, видя въ нихъ новую для себя опору. Они уже не противополагаютъ себя, какъ прежде, народу; они включаютъ себя въ общую массу націи, объявляя себя ея выразителями, ея руководителями. Правительственная дѣятельность становится или объявляется національною и получаетъ или разсчитываетъ получить тѣмъ большую силу, одобреніе и сочувствіе населенія. А это единство и сплоченность въ повиновеніи національнымъ правительствамъ особенно нужны при господствующей системѣ вооруженнаго мира. Такимъ образомъ и милитаризмъ нуждается въ національности, поощряетъ ее и опирается на нее.

Помимо этихъ политическихъ причинъ необходимо указать и на значеніе экономическихъ факторовъ въ дѣлѣ образованія націи. Если нельзя согласиться съ Каутскимъ [1]), утверждающимъ, что «каждая нація явилась продуктомъ капиталистическаго производства и торговли», то все же нельзя не признать, что торговые интересы также служили къ сближенію и объединенію отдѣльныхъ группъ населенія. А при современной обострившейся международной конкуренціи, для успѣха и побѣды явилась нужда именно въ національной защитѣ и охранѣ торговопромышленныхъ интересовъ. «Нынѣ борьба между націями», пишетъ одинъ американскій журналъ [2]), «сводится къ конкуренціи на почвѣ примѣненія науки къ производству». А другой англійскій журналъ [3]) къ этому прибавляетъ: «неумолимый прогрессъ осуждаетъ народы, желающіе жить въ будущемъ, дѣлать изъ захвата и распространенія законъ ихъ внѣшней политики». Поэтому

---

[1]) К. Каутскій. Національность нашего времени. Очерки и этюды. Изд. 2-е, 1901, стр. 124.

[2]) North-American Review 1899.

[3]) The Forum. Juni 1899. The Struggle for the commercial empire.

правъ Каутскій, утверждая, что торговые интересы стали интересами національными, и прибавляя, что едва ли какому-либо другому классу принесло національное единство такія выгоды, какъ купечеству.

Дальнѣйшія причины успѣховъ развитія національныхъ чувствъ лежатъ въ области коллективной или соціальной психологіи. Такъ, Тардъ [1]) указываетъ на склонность къ чувству гордости какъ у индивидовъ, такъ и у народовъ. При чемъ въ преклоненіи передъ общимъ предметомъ гордости происходитъ та гармонизація частныхъ самолюбій, которая столь способствуетъ взаимному сближенію и пониманію. Несомнѣнно также имѣетъ вліяніе на укрѣпленіе національныхъ чувствъ господствующее всюду уваженіе къ традиціямъ и склонность руководствоваться ими, которыя отмѣчены Лебономъ, Зиммелемъ и другими соціологами.

Ускорили кромѣ того, развитіе національныхъ чувствъ, съ одной стороны, успѣхи такихъ наукъ, какъ лингвистика, исторія, этнографія, фольклоръ, а съ другой стороны, и техническій прогрессъ, выразившійся въ усовершенствованіи способовъ сообщенія и передвиженія. Особенно сильное вліяніе оказало колоссальное развитіе литературы и прессы. Конечно, всѣ только что отмѣченныя условія способствуютъ не только національному объединенію и самосознанію, но и международному сближенію. Однако, такъ какъ и наука, и литература, и журналистика объясняются на національномъ языкѣ, то нельзя не согласиться съ Тардомъ [2]), что ихъ развитіе болѣе увеличило различіе между націями относительное и сознательное, нежели уменьшило различіе абсолютное.

Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ и условій породило, укрѣпило и распространило національную идею.

Посмотримъ теперь, каково содержаніе этой идеи. Въ короткихъ словахъ оно — таково. Каждая нація должна

---

[1]) Tarde. La logique sociale. 2-me éd., 1898, p. 327.

[2]) Tarde. L'opinion et la foule, 1901, p. 81.

имѣть право на собственный языкъ, собственную религію, собственные задачи и интересы и собственное государственное устройство. Послѣднее требованіе охватываетъ предыдущія. Его однако принимаютъ не всѣ публицисты. Впрочемъ, большинство серьезныхъ ученыхъ признаютъ необходимость для націи собственнаго государственнаго устройства. Эту мысль поддерживалъ еще Блунчли: нынѣ ее защищаютъ Бозанкуэтъ [1]), Кремеръ [2]), Нейманъ [3]), Робертсъ [4]), Шпрингеръ [5]) и мн. др. Итакъ, національная идея находитъ свое воплощеніе въ національномъ государствѣ. Своевременно идея національнаго государства сыграла великую историческую роль: она опрокинула старое династическое абсолютное государство.

Это старое государство руководствовалось завѣтомъ Боссюэта: «все государство — въ лицѣ короля; въ немъ сила, въ немъ воля всего народа». Поэтому короли распоряжались народами, нисколько на соображаясь съ ихъ интересами и правами. «Время,—читаемъ у Вольтера,— случай, предписаніе, сила — составляютъ все право». — Неудивительна послѣ этого иронія одного изъ современниковъ, замѣтившаго: «права народовъ и королей никогда не совпадаютъ, развѣ только во время молчанія» [6]).—Это было время безудержаннаго господства грубой физической силы и полнаго пренебреженія интересами народовъ. Оно весьма ярко характеризуется словами Фридриха II: «небесное царство пріобрѣтается терпѣніемъ, земныя — силой», и двумя такими историческими событіями, какъ борьба за австрійское наслѣдство и раздѣлъ Польши.

---

[1]) B. Bosanquet. The philosophical theory of the state 1899.

[2]) Cremer. Nationalitätsidee 1885.

[3]) Neumann. Volk und Nation 1888.

[4]) Roberts. The nation and the state 1902.

[5]) Springer. Der Kampf der österreichischen Nationen um den Staat I. 1902.

[6]) Retz. Mémoires 2-e partie. ch. III. Cp. A. Sorel. L'Europe et la révol. fran. t. I, p. 13.

Вотъ почему торжество національнаго государства, которое положило предѣлъ подобному безцеремонному разгулу династическихъ страстей и вожделѣній, — представляло существенный прогрессъ. Поэтому понятно восхваленіе идеи національнаго государства со стороны либеральныхъ писателей, въ нашей русской литературѣ особенно со стороны Чичерина и Градовскаго.

Однако, и національное государство не принесло полнаго удовлетворенія и успокоенія. Прежде всего оно не вездѣ организовано съ надлежащей полнотой. Во многихъ случаяхъ его торжество совершается съ искаженіемъ истиннаго смысла требованій національной идеи, ибо господствующая народность считаетъ себя въ правѣ угнетать подчиненныя. Такъ, Англія преслѣдуетъ Ирландію, Пруссія — поляковъ; въ Италіи ощущается извѣстная рознь между сѣверомъ, югомъ, востокомъ, западомъ и центромъ, рознь, которая легко можетъ повести къ преобразованію Италіи изъ единаго государства въ федерацію. Но особенно грустную картину представляетъ Австро-Венгрія. Здѣсь помимо, такъ сказать, центростремительныхъ движеній разныхъ народностей къ преобладанію въ существующихъ государственныхъ предѣлахъ, имѣются и все усложняются центробѣжныя движенія: такъ нѣмцы тяготѣютъ къ объединенной Германіи, итальянцы не забыли завѣтовъ «Italia irredenta», славяне мечтаютъ объ обособленіи, можетъ быть въ предѣлахъ далекой панславянской федераціи, поляки не прочь возстановить старую Рѣчь Посполиту [1]).

Но кромѣ этихъ внѣшнихъ недостатковъ современныхъ національныхъ государствъ, которые происходятъ отъ недостаточно полнаго и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь національной идеи, есть въ самой идеѣ националь-

---

[1]) Ср. B. Auerbach. Les races et les nationalités en Autriche Hongrie. 1898.

E. Driault. Les problèmes politiques et sociaux à la fin du XIX siècle. 1900. Ch. III.

наго государства такіе недочеты, съ которыми не могутъ примириться современныя требованія.

Послѣ того какъ идея національнаго государства исполнила свою историческую задачу,—побѣдивъ и похоронивъ династическое государство, защита національнаго государства основывается обыкновенно на соображеніяхъ психологическаго характера. Такъ, А. Д. Градовскій пишетъ [1]: «Народность дѣйствуетъ воспитательно на человѣческую личность, ибо она сама есть нравственная собирательная личность». Англійскій ученный Bosanquet иллюстрируетъ вліяніе національнаго государства греческой концепціей счастья, какъ такой организаціей нашихъ стремленій, каковы бы они ни были, при которой достигается наиболѣе полная гармонія жизни [2].

Полнѣе и яснѣе обосновываетъ необходимость національнаго государства Шпрингеръ [3]. Проблему государства онъ рѣшаетъ въ связи съ проблемой права. Дѣятельность современнаго государства выражается главнымъ образомъ въ правѣ и совершается на основаніи права. Поэтому, дабы его дѣятельность была плодотворна, необходимо, чтобы его право было понятно населенію; понятно не только въ томъ смыслѣ, чтобы оно излагалось на національномъ языкѣ, но и чтобы оно по содержанію соотвѣтствовало національному духу, его особенностямъ, вкусамъ и стремленіямъ. Такимъ образомъ государство должно быть національнымъ потому, что право должно быть національнымъ.

Эта теорія соотвѣтствуетъ современному ученію о правѣ какъ явленіи психическомъ. Если каждый носитъ въ душѣ чувство права, мѣрило права и неправа, то большее или меньшее единство въ разумѣніи права можетъ быть достигнуто въ зависимости отъ большей или меньшей степени общности душевныхъ свойствъ. Наибольшая степень

---

[1]) А. Д. Градовскій. Сочиненія т. IV. 1901. Стр. 261.
[2]) Bosanquet. The philosophical theory of the state 1899 p. 321.
[3]) Springer. Op. cit. S. 55—56.

такой общности имѣется, по господствующему убѣжденію, именно въ національномъ единствѣ. Отсюда и требованіе національнаго права.

Но исторія права не подтверждаетъ этого вывода. Наоборотъ, сравненіе различныхъ системъ права приводитъ къ убѣжденію, что въ нихъ гораздо болѣе чертъ сходства, нежели различія. И къ тому же различія эти объясняются главнымъ образомъ различіями въ степеняхъ культуры разныхъ народовъ въ разныя эпохи. И по мѣрѣ сглаживанія такихъ культурныхъ различій исчезаютъ и главнѣйшія различія въ правѣ. Съ теченіемъ времени по мѣрѣ распространенія общей культуры, ея требованій и условій среди цивилизованныхъ народовъ стремленіе права къ универсальности становится все яснѣе. Эта универсализація права совершается двумя путями. Съ одной стороны она есть слѣдствіе естественнаго приспособленія права къ все болѣе и болѣе объединяющимся условіямъ жизни разныхъ народовъ; а съ другой стороны—все чаще выступаетъ и прямое заимствованіе, подражаніе чужимъ системамъ права.

Процессъ объединенія права, совершающійся нынѣ въ мірѣ цивилизованныхъ народовъ, подобенъ тому движенію къ объединенію права, которое переживаетъ въ настоящее время Швейцарія. До послѣдняго времени кантоны отстаивали и берегли свое самобытное право, гражданское и уголовное. Въ сохраненіи особенностей своихъ кодексовъ усматривали они гарантію сохраненія своей государственной особенности, доказательство своей независимости и самостоятельности. И однако подъ вліяніемъ развившейся и усложнившейся промышленной и культурной жизни, подъ настроеніемъ требованій усилившагося взаимнаго общенія кантоновъ, эти интересы «Kleinstaaterei» должны были пасть, и теперь выработаны уже проекты общешвейцарскихъ кодексовъ гражданскаго и уголовнаго, а нѣкоторыя части гражданскаго права уже даже и объединены и соотвѣтствующіе законы утвержде-

ны. То же движеніе наблюдается нынѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Да иначе и быть не можетъ. Ибо интересъ поддержанія національныхъ особенностей въ правѣ самъ по себѣ настолько незначителенъ и безсодержателенъ, что, конечно, онъ долженъ уступить болѣе настоятельному практическому интересу — цѣлесообразности и удобству объединеннаго права, и болѣе возвышенному идейному интересу — сознанію солидарности культурнаго человѣчества. И по мѣрѣ того, какъ право все болѣе утрачиваетъ элементы принужденія и насилія, все болѣе становится соотвѣтствующимъ господствующимъ убѣжденіямъ, и все болѣе проникается этическимъ содержаніемъ, — этотъ процессъ объединенія, универсализаціи права все ускоряется и расширяется.

Онъ распространился на области какъ частнаго, такъ и публичнаго права. Въ послѣдней области, однако, на его пути больше препятствій, нежели на первой. Институты публичнаго права носятъ въ себѣ гораздо болѣе слѣдовъ историческихъ переживаній, болѣе окружены различными чувствами, настроеніями, предразсудками, нежели институты частнаго права. Поэтому ихъ національныя особенности болѣе устойчивы. Однако и въ этой области замѣтно движеніе къ объединенію и нельзя не согласиться съ современнымъ американскимъ юристомъ Вильсономъ, который въ результатѣ изученія исторіи сложенія разныхъ государственныхъ порядковъ, приходитъ къ выводу, что если смотрѣть съ высоты исторіи, то пройденные народами пути кажутся удивительно прямыми [1]). Къ тому же современная соціологія [2]) отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ новѣйшее время выдвигается на первый планъ группа соціальная въ широкомъ смыслѣ и заслоняетъ собой группу чисто политическую и поэтому чисто политическіе интересы, связанные съ сохраненіемъ той или иной формы государственнаго уклада, утрачиваютъ свое

---

[1]) W. Wilson. L'Etat. v. II. 1902. p. 322.

[2]) Ср. напр. Tarde. Psychologie économique v. I. 1902. p. 15.

первостепенное значеніе и значительную долю устойчивости.

Такимъ образомъ національныя различія въ правѣ, сохранившіяся до сихъ поръ, суть историческія переживанія, подлежащія исчезновенію съ теченіемъ дальнѣйшаго прогресса [1]). И слѣдовательно представляется недостаточно обоснованнымъ требованіе національнаго государства изъ-за національнаго права.

Равнымъ образомъ и въ направленіи государственной дѣятельности, въ задачахъ и цѣляхъ, которыя себѣ ставить государство, нельзя усмотрѣть національныхъ различій.

Возможности національзаціи государственныхъ задачъ противорѣчитъ тотъ фактъ, что едва ли имѣются единые общенаціональные интересы. Правъ Гумпловичъ [2]), утверждая, что каждая нація представляетъ изъ себя хаосъ противоположныхъ стремленій и теченій. И это не только потому, что, какъ говоритъ Ренанъ [3]), «каждая нація имѣетъ и слишкомъ много и слишкомъ мало», что въ любой націи, даже въ наиболѣе объединенной, какъ французской, замѣчаются различія въ самомъ, такъ сказать, этническомъ составѣ (напр. Англія и Шотландія, Пруссія и Баварія и т. д.), но и потому, въ особенности, что нація охватываетъ самыя различныя соціальныя группы и, слѣдовательно, въ средѣ ея находятся самыя разительныя противорѣчія классовыхъ интересовъ. И не всегда возможно заранѣе опредѣлить, гдѣ больше согласія и единства—въ интересахъ ли разныхъ классовъ одной націи, или въ интересахъ одного класса разныхъ націй. Поэтому національная политика государства всегда носитъ на себѣ классовой отпечатокъ: она служитъ въ

---

[1]) Ср. R. Stammler. Die Lehre von dem richtigen Rechte. 1902. S. 151.

A. Fouilleé. L'idée moderne du droit 3-me éd. 1890 p. 396.

[2]) Gumplowitz. Sociologische Staatsidee 2-e Aufl. 1902. S. 169.

[3]) E. Renan. La réforme intellectuelle et morale. 1875. p. 140.

пользу одного или нѣкоторыхъ классовъ населенія и въ ущербъ другихъ классовъ.

А такъ какъ во главѣ современныхъ государствъ стоитъ буржуазія и, слѣдовательно, ея интересы являются преобладающими и опредѣляющими, то отъ національнаго направленія государственной политики нельзя ожидать ничего иного, какъ споспѣшествованія интересамъ буржуазіи насчетъ интересовъ другихъ классовъ. Слѣдовательно, національныя задачи на практикѣ суживаются въ задачи буржуазіи и посему достиженіе ихъ отнюдь не можетъ быть признано интересомъ общенаціональнымъ.

Если нація есть «начало духовное», если ее образуетъ общность историческихъ воспоминаній, чувствъ и стремленій, то слѣдовательно истинно національные интересы могутъ быть только чисто духовнаго, идейнаго характера. А именно въ область духовныхъ интересовъ, по общему убѣжденію современныхъ публицистовъ, государство, вслѣдствіе принудительнаго характера его дѣятельности, вслѣдствіе присущаго его дѣятельности стремленія къ широкому обобщенію [1]), наименѣе приспособлено вмѣшиваться. Государство не въ силахъ заставить искренно любить и цѣнить что-нибудь, какъ оно не въ силахъ заставить искренно вѣрить во что-нибудь. И если на этомъ основаніи высказываются, все настоятельнѣе, за отдѣленіе церкви отъ государства, если утверждаютъ, что вмѣшательство государства въ область церкви и обратно служитъ къ искаженію дѣятельности какъ того, такъ и другой, то тѣмъ болѣе необходимо высказываться за невмѣшательство государства въ область интересовъ націи. Вѣра такое же духовное начало, какъ и нація. Но вѣра гораздо полнѣй и шире опредѣляетъ отношеніе вѣрующаго къ окружающей дѣйствительности, нежели національное чувство. И если нынѣ никто не станетъ доказывать справедливость и необходимость «исповѣднаго»

---

[1]) Cp. P. Leroy-Beaulieu. L'Etat moderne et ses fonctions. 1890. p. 40.

права и теократіи, то казалось бы, тѣмъ менѣе основаній отстаиваютъ національное право и національное государство. Національное чувство есть чувство еще болѣе тонкое, нѣжное и неопредѣленное, чѣмъ вѣра, и если вѣра отъ государственной поддержки превращается въ пустую обрядность, то и нація, вслѣдствіе государственнаго избранія, переживаетъ не меньшее извращеніе: вмѣсто чувства общей любви къ общимъ предметамъ гордости, является требованіе огульнаго восхваленія всего своего и огульнаго пренебреженія ко всему чужому. Національное чувство при государственной поддержкѣ необходимо вырождается въ національнзмъ и шовинизмъ.

Въ началѣ XIX ст. Фихте, этотъ первый апостолъ національнзма въ Германіи, обращался къ своимъ согражданамъ съ убѣжденіемъ: «будемъ нѣмцами и мы останемся космополитами»[1]). Современные его послѣдователи отнюдь не желаютъ быть гражданами міра, а хозяевами міра, и на всѣ лады готовы повторять знаменитую фразу Бисмарка: «мы, нѣмцы, не боимся никого, кромѣ Бога». И къ такимъ результатамъ неминуемо приводитъ всякая проповѣдь національнзма, ибо она всегда обращается болѣе къ темнымъ, чѣмъ къ свѣтлымъ сторонамъ человѣческаго духа; питается болѣе враждою къ другимъ народамъ, чѣмъ любовью къ своему. Нельзя при этомъ не вспомнить глубокихъ словъ В. С. Соловьева: «любованіе самимъ собой, самоугожденіе и самопоклоненіе никакъ не могутъ укрѣпить народный духъ, напротивъ они обезсиливаютъ и разлагаютъ его. Если народъ занятъ самимъ собой, то онъ не свободенъ для всемірныхъ подвиговъ»[2]).

Такой національный эгоизмъ приводитъ на практикѣ къ политикѣ гнета и преслѣдованій другихъ народностей, а въ литературѣ къ оправданію недостатковъ и предраз-

---

[1]) Ср. Reden an die deutsche Nation. 1808.

[2]) В. С. Соловьевъ. Національный вопросъ въ Россіи. В. I, изд. 2-е, стр. 34.

судковъ народа и даже къ поклоненію имъ и «къ возведенному въ принципъ отрицанію всѣхъ объективныхъ понятій о добрѣ и истинѣ» [1]).

Пора избавиться отъ этихъ темныхъ ученій и сбросить цѣпи и оковы національной идеи. Она сыграла свою роль и выродилась изъ служительницы прогресса въ препятствіе для прогресса. Она препятствуетъ торжеству болѣе высокой идеи — идеи солидарности человѣчества. Эта послѣдняя идея встрѣчаетъ нынѣ все большее и большее сочувствіе [2]), ибо все яснѣе и сильнѣе сознается истинная солидарность интересовъ цивилизованныхъ народовъ. Эта солидарность интересовъ чувствуется въ разныхъ областяхъ.

Въ экономической области ее ощущаетъ не только рабочій классъ, который уже давно созналъ необходимость международной организаціи труда для болѣе успѣшной борьбы съ капитализмомъ: по образному выраженію Malon [3])—«рабочіе уже давно подаютъ другъ другу руки черезъ границы для общей цѣли»,—но и все населеніе: всѣ въ большей или меньшей степени страдаютъ отъ этой дезорганизаціи современнаго производства, отъ этой работы на неопредѣленные рынки, часто перехватываемые международной конкуренціей, отъ острыхъ кризисовъ, случающихся все чаще и чаще. Вмѣстѣ съ тѣмъ лишь очень немногіе выигрываютъ отъ того урегулированія нѣкоторыхъ отраслей производства, которое приносятъ съ собой международные тресты. Очевидно, ощущается нужда въ болѣе совершенномъ и болѣе справедливомъ средствѣ борьбы съ этимъ зломъ...

Къ тому же рознь народовъ и защита ея порождаютъ милитаризмъ, который не менѣе тяжко отражается на экономическихъ интересахъ народовъ. Такъ въ 1899 году

---

1) В. С. Соловьевъ. Національный вопросъ въ Россіи. В. II, стр. 92.

2) Ср. Essai d'une philosophie de la solidarité. 1902.—Также. Congrés des sciences politiques de 1900, 1901.

3) Malon. Le socialisme intégral 2-me par. 1894, p. 206.

главнѣйшія державы истратили на армію и флотъ 5.300 милліоновъ франковъ и имѣли подъ ружьемъ въ мирное время 3.120 тыс. человѣкъ, а въ военное 19.700 тыс. человѣкъ [1]).

Еще вреднѣе отражается отстаиваніе національныхъ различій на интересахъ нравственности. Грубое и непрерывное нарушеніе основныхъ требованій морали въ международныхъ отношеніяхъ настолько у всѣхъ на глазахъ, что нѣтъ надобности о нихъ долго распространяться. Къ нимъ настолько всѣ привыкли, что какъ будто сложился особый кодексъ нравственности примѣнительно къ защитѣ и преуспѣянію собственной національности; точно этотъ національный интересъ есть самый высшій интересъ, передъ которымъ должны отступить требованія любви, милосердія, взаимнаго уваженія и помощи... Въ результатѣ получается рядъ противорѣчивыхъ явленій, нелѣпѣйшая переоцѣнка всѣхъ нравственныхъ цѣнностей: люди кроткіе, искренно исповѣдующіе заповѣдь любви къ ближнему, проповѣдуютъ злобу и ненависть, и самыя тяжкія посягательства на человѣка, обыкновенно осуждаемыя и караемыя, поощряются и восхваляются... И нельзя успокаивать себя тѣмъ, что подобныя явленія происходятъ лишь при международныхъ столкновеніяхъ. Нѣтъ, не только война, а и возможность войны и вѣчная готовность къ войнѣ дѣйствуютъ разрушительно на нравственность. Всѣ нравственныя проповѣди къ человѣку — тщетны, всѣ нравственныя требованія отъ человѣка — немощны, разъ дѣйствіе ихъ пріостанавливается въ вопросахъ національныхъ. Истинная мораль можетъ быть только безусловная; всякая другая мораль есть только ученіе о цѣлесообразности, построенное на приспособленіяхъ къ условіямъ даннаго времени. Такое ученіе не можетъ удовлетворять искренняго человѣка уже по одному тому, что оно построено на противорѣчивыхъ принципахъ. Истинная мо-

[1]) Novicow. La fédération de l'Europe. 1901, p. 41.

раль можетъ быть только одна—человѣчная; и нѣтъ и не можетъ быть истинной морали національной. И если не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что интересы всѣхъ людей солидарны въ дѣлѣ подъема нравственности, то нельзя сомнѣваться и въ томъ, что эти интересы солидарны въ устраненіи главной помѣхи для торжества нравственности—національной розни, національныхъ различій.

Любопытно прослѣдить, какъ подъ вліяніемъ національныхъ увлеченій происходитъ забвеніе самыхъ, казалось бы, непререкаемыхъ истинъ морали. Стоитъ просмотрѣть націоналистскую литературу любого народа, чтобы въ этомъ убѣдиться. На первый планъ выдвигаются и отстаиваются такія понятія, какъ величіе, сила, преобладаніе, самобытность, и при этомъ совсѣмъ не считается нужнымъ примирить эти понятія съ требованіями нравственности. Такъ Фроудъ [1]) готовъ отдать за усиленіе англійскаго военнаго могущества англійскую свободу и самоуправленіе; такъ проф. Силей [2]) доказываетъ, что безграничное расширеніе есть единственное разъясненіе смысла англійской исторіи и единственный raison d'être англійскаго народа; такъ Деруледъ воспѣваетъ военную славу и казармы; такъ Леонтьевъ желалъ бы Россію подморозить.

Совершенно правъ Гобсонъ [3]), говоря, что подобные взгляды составляютъ сознательный отказъ отъ культуры тѣхъ высшихъ внутреннихъ качествъ, въ которыхъ какъ для націи, такъ и для отдѣльнаго человѣка выражается побѣда разума надъ дикими инстинктами. А такъ какъ дальнѣйшее просвѣтлѣніе разума и смягченіе сердца не могутъ не составлять общаго интереса всѣхъ народовъ, то такимъ же общимъ интересомъ всѣхъ народовъ должно быть отрицаніе національной политики.

Не менѣе солидарны интересы цивилизованныхъ наро-

---

1) Froude. Oceana or England and her colonies.

2) Seeley. The expansion of England. 1884. — Cp. V. Bérard. L'Angleterre et l'imperialisme. 1900.

3) I. A. Hobson. Imperialism. A. Study. 1902, p. 390.

довъ и въ области политическихъ вопросовъ. Наилучшее примиреніе въ государственномъ устройствѣ наибольшей свободы съ наибольшимъ равенствомъ, наибольшей справедливости съ наибольшимъ порядкомъ является, очевидно, для всѣхъ равно дорогой и важной задачей. Какъ разъ въ настоящее время современное государство переживаетъ кризисъ [1]): подъ вліяніемъ назрѣвшихъ соціальныхъ требованій складывается нужда въ болѣе совершенной формѣ государственнаго уклада, еще болѣе сложной и еще болѣе нѣжной. При чемъ самая эта сложность ея необходимо требуетъ общаго согласнаго сотрудничества народовъ въ выработкѣ и поддержкѣ ея.

Особенно ощутительной становится невыгодность національной разобщенности при развитіи соціальнаго законодательства. Уже теперь Новая Зеландія, которая далеко опередила другія государства въ совершенствованіи общественнаго строя, переживаетъ серьезныя затрудненія вслѣдствіе отсталости законодательства другихъ странъ [2]). Съ теченіемъ времени эти затрудненія должны расти. Они прямо могутъ сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее развитіе соціальнаго законодательства и въ концѣ-концовъ должны привести народы къ сознанію необходимости отказаться отъ охраны и защиты своей самобытности и независимости ради успѣха и процвѣтанія болѣе справедливыхъ и совершенныхъ человѣческихъ отношеній. Такимъ образомъ развитіе соціальной жизни ведетъ народы къ сближенію.

Это сближеніе усиливается сознаніемъ общности и другихъ культурныхъ интересовъ, все умножающимся обмѣномъ знаній, изобрѣтеній, произведеній искусствъ, все ускоряющимся темпомъ взаимныхъ сношеній и сообщеній.

---

[1]) Ср. E. de Laveleye. Le gouvernement dans la democratie. 1891.— L. Michon. L'initiative parlementaire. 1898.—Ch. Benoist. La crise de l'État moderne. 1902.

[2]) Ср. A. Métin. Le socialisme sans doctrines. 1901.— L. Vigouroux. L'évolution sociale en Australasie. 1902.

Въ сущности, національная рознь есть чувство случайное и навязанное: оно вовсе не коренится въ основахъ человѣческаго духа. Оно есть продуктъ отрѣшенности и обособленности некультурныхъ народовъ и плодъ неблагопріятныхъ экономическихъ и политическихъ вліяній. Для выполненія предстоящихъ задачъ огромнаго культурнаго значенія человѣчеству необходимо отдѣлаться отъ этого печальнаго наслѣдія старыхъ временъ. И тогда исчезнутъ и разсѣются эти демоны современности — національнзмъ, антисемитизмъ, имперіализмъ, милитаризмъ, которые омрачили и обезславили наше время.

И давно пора. Они служатъ источниками самыхъ вопіющихъ несправедливостей, самой безсмысленной розни. Они сѣютъ вражду, озлобленіе, угнетеніе. Наконецъ, они понижаютъ культурный уровень и препятствуютъ дальнѣйшему прогрессу. Это особенно замѣтно на примѣрѣ Германіи.

Когда Германія еще не была объединенной могучей имперіей и не сдѣлала еще столь блестящей карьеры военной и торгово-промышленной, это была страна передовая по высотѣ культурнаго развитія; это была страна философовъ, подарившихъ міръ глубочайшими системами, страна поэтовъ мірового значенія, страна ученыхъ, обезсмертившихъ нѣмецкую науку. Но вотъ пришла военная слава и добыча, пришло промышленное цвѣтеніе—и Виндшейдъ помѣчаетъ новое изданіе своихъ Пандектъ днемъ Седанской битвы; Іерингъ проповѣдуетъ, что право есть политика силы; Трейчке доказываетъ, что наилучшая политика есть политика желѣза и крови, и что Германіи для дальнѣйшихъ успѣховъ остается лишь сдѣлаться Пруссіей, а Моммсенъ въ своей римской исторіи складываетъ настоящій гимнъ въ честь цезаризма, въ восхваленіе «divus Caesar» и, по замѣчанію одного французскаго критика [1]), болѣе, чѣмъ кто другой, способствуетъ торжеству и оправданію бисмарковской политики. А потомъ уже пошла ли-

---

[1]) A. Guillaud. L'Allemagne nouvelle et ses historiens. Cp. M. Lair. L'impérialisme allemand. 1902, p. 330 s.

тература въ родѣ «Вооруженной націи» нѣкоего Кольмара фонъ-деръ-Гольца — этой апологіи милитаризма, гдѣ въ лирическомъ тонѣ воспѣваются человѣческія бойни и благодѣянія военнаго государства.

Германская имперія убьетъ германскій духъ—восклицалъ Ницше.

Этотъ духъ исчезаетъ изъ литературы. Онъ исчезаетъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Они превращаются въ какія-то школы дрессировки будущихъ торгово-промышленныхъ дѣльцовъ. Это уже почти профессіональныя школы, гдѣ изучаются узкія спеціальности для нуждъ фабричной дѣятельности... И умы тупѣютъ, и нравы дичаютъ, и лишь аппетиты разгораются [1]). И этимъ аппетитамъ даже по вкусу идущая изъ Берлина эволюція, имѣющая идеаломъ—режимъ авторитарный и абсолютный, рычагомъ—приказъ верховнаго главы, политикой—теорію устраненія, и единственной заповѣдью блаженства проповѣдь силы: блаженны—мощные! [2])...

Таковы культурные плоды германскаго военнаго могущества и промышленнаго развитія... Едва ли они завидны, едва ли они достойны... А между тѣмъ современное положеніе Германіи именно и соблазняетъ другіе народы. Въ сущности, конечная цѣль современныхъ національныхъ стремленій и заключается въ промышленномъ преуспѣяніи, въ экономическомъ преобладаніи надъ другими народами,—преобладаніи, опирающемся на несокрушимое военное могущество.

Однако, къ счастію въ послѣднее время начинаютъ зарождаться и болѣе возвышенныя стремленія. Буржуазный вѣкъ съ буржуазными національными стремленіями какъ будто приходитъ къ концу... Народы стремятся къ болѣе возвышеннымъ идеаламъ и начинаютъ сознавать свою солидарность въ достиженіи болѣе гуманныхъ цѣлей.

---

[1]) Ср. Б. Чичеринъ. Политика. 1898, стр. 98.

[2]) Levy-Bruhl. L'Allemagne depuis Leibnitz. Ср. Lair. L'impérialisme allemand p. 121.

Конечно, никогда не утратится чувство любви къ родинѣ, какъ не утратится чувство любви къ матери. Мы всегда будемъ переживать невыразимое очарованіе при звукахъ родного языка, родной пѣсни, при встрѣчѣ съ родными сказаніями. Не утратится и значеніе національнаго языка, тѣсно и таинственно переплетающееся съ законами душевной жизни человѣка, для первоначальнаго развитія человѣка. Но при дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ не долженъ встрѣчать препятствій въ предѣлахъ національности.—Большинство ученыхъ пророчатъ дальнѣйшее развитіе индивида въ будущемъ и въ этомъ расширеніи и углубленіи индивидуальности видятъ значеніе, силу и средство прогресса [1]).

Все развивающаяся личность будетъ разрушать рамки національностей и раздвигать границы государствъ. И новый вѣкъ будетъ вѣкомъ человѣческой солидарности, а не національныхъ противоположностей. Этотъ новый космополитизмъ вовсе не похожъ на космополитизмъ XVIII вѣка. Тотъ оперировалъ съ отвлеченнымъ человѣкомъ, живущимъ внѣ націи. Этотъ—считается съ человѣкомъ, переросшимъ въ своемъ развитіи національныя рамки. Тотъ, старый космополитизмъ имѣлъ дѣло съ искусственнымъ договорнымъ государствомъ и ссылался на отвлеченное понятіе человѣчества. Этотъ—новый—указываетъ на все крѣпнущую связь и солидарность экономическихъ и другихъ интересовъ разныхъ государствъ, на все болѣе сознаваемую необходимость сближенія народовъ для достиженія общихъ соціальныхъ идеаловъ, — и обращается къ человѣчности... Такимъ образомъ у этого новаго космополитизма есть тѣло и душа. И у него есть будущее, ибо онъ все шире и шире становится убѣжденіемъ

---

[1]) Ср. напр. Jellinek. Allgemeine Staatslehre s. 228. — Durkheime. De la division du travail social 2-me éd. 1902, p. 399.—Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права. Проблемы идеализма. 1903, стр. 282.

тѣхъ людей, которые, по выраженію поэта, молятся и вѣрятъ

всѣ одному
Великому Богу разсвѣта.

И разсвѣтъ настанетъ; и старый міръ національныхъ противоположностей, вражды и угнетеній, буржуазно-національныхъ вожделѣній и пристрастій—сгинетъ и воцарится «новый міръ»,

Гдѣ смолкнутъ злобныя проклятья,
Гдѣ люди, любящіе братья,
Начнутъ великій счастья пиръ!
